

JOANNA JĘDRA, EWA STAWINOĞA
Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

ВСТРЕЧА ХРИСТИАНСТВА С ИСЛАМОМ — АНГЕЛЫ ИВАНА БУНИНА

Выдающийся религиозный философ — Николай Бердяев утверждает, «что в русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира»¹. Священное Писание, особенно Евангелие — это самая важная книга для многих русских авторов. С большим почтением к Библии относились классики — Александр Пушкин, Лев Толстой, Федор Достоевский². Она занимала важное место также в творчестве Анны Ахматовой, Михаила Булгакова, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама и др.

Книга Книг вдохновляющей оказалась и для лауреата Нобелевской премии по литературе 1933-его года — Ивана Бунина (1870–1953)³. Автору *Жизни Арсенева* особенно был близок Ветхий Завет, а среди книг Нового Завета самым интересным ему показался Апокалипсис⁴. Христианство, как пишет Юрий

¹ Н. Бердяев, *О характере русской религиозной мысли XIX века*, <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdno25.htm>, (3.04.2016).

² Л. Куваева, *Христианские традиции в русской литературе*, «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств» 2010, вып. 10, с. 123–125.

³ В последнее время была опубликована интересная статья посвященная религиозному аспекту творчества Ивана Бунина, с которой, к сожалению, авторы данной работы не были знакомы в тот момент, когда она создавалась. См. О.А. Бердникова, *Духовный и географический векторы странствий И.А. Бунина «по следам Христа»*// О.А. Богданова, А.Г. Гачева (ред.), *Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма*, Индрик, Москва 2018, с. 172–189.

⁴ М. Дунаев, *Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв.*, Издательский совет Русской Православной Церкви, Москва 2003, с. 395–396. Электронная версия. В творчестве И. Бунина находим несколько «апокалиптических» стихотворений, например, *Из Апокалипсиса*,

Мальцев, «всегда привлекало Бунина своей обрядовой вещественной стороной, красотой и древностью»⁵, но отношение писателя к этой религии были сложными и противоречивыми⁶. Можно полагать, что причиной тому является то, что Эрнст Геккель определяет как «миксотеизм» или «смешение религиозных представлений, часто противоречащих друг другу»⁷.

Широко известно, что Бунин интересовали многие конфессии и их священные тексты, например, буддийские сказания⁸, древнеиндийские концепции человека и мира⁹. Однако особое внимание он уделял Библии и Корану. Последний привлекал его своей «орнаментальной загадочностью»¹⁰. Поэт ставил Коран наравне со священной книгой христиан, подчеркивая духовно-кровное родство основателей обеих религий¹¹ (стихотворение *Магомет и Сафия*¹²).

В 1907 году Бунин совершил паломничество на Восток¹³ в святые места трех наиболее значительных мировых рели-

---

День гнева, Сын человеческий, а также рассказ *Господин из Сан-Франциско*. См. В. Агафонова, *Черты религиозно-философского ренессанса рубежа XIX–XX веков в художественном сознании И.А. Бунина*, «Культура. Духовность. Общество» 2015, вып. 18, с. 27.

⁵ Ю. Мальцев, *Иван Бунин. 1870–1953*, Посев, Франкфурт-на-Майне–Москва 1994, с. 32.

⁶ Там же.

⁷ См. Э. Геккель, *Мировые загадки*, издание Д.П. Ефимова, Москва 1906, с. 282. Цит. по: Г. Карпенко, *Творчество И.А. Бунина и религиозное сознание рубежа веков: Учебное пособие к спецкурсу «Литература и религиозное сознание» для студентов дневного и заочного отделений специализации «Русский язык и литература»*, Универс-групп, Самара 2005, с. 9.

⁸ М. Дунаев, *Вера в горниле сомнений...*, с. 395.

⁹ Г. Карпенко, *Творчество И.А. Бунина и религиозное сознание рубежа веков...*, с. 45.

¹⁰ Там же, с. 7.

¹¹ Там же, с. 8.

¹² Ср. «Все меня ругают, Магомет, жидовкой», — / Говорит сквозь слезы, не стирая слез. / Магомет, с усмешкой и любовью глядя, / Отвечает кротко: «Ты скажи им, друг: / Авраам — отец мой, Моисей — мой дядя, Магомет — супруг». И. Бунин, *Магомет и Сафия* // того же, *Полное собрание сочинений в XIII томах*, т. 2: *Стихотворения (1912–1952); Повести, рассказы (1902–1910)*, Воскресенье, Москва 2006, с. 32. В дальнейшем цитаты приводятся по данному изданию с указанием в квадратных скобках названия стихотворения, аббревиатуры ПСС2 и номера страниц.

¹³ Интерес к Востоку в русской литературе появился намного раньше, он связан с Романтизмом. Павел Алексеев говорит о восточном стиле в поэзии этого времени. См. П. Алексеев, *Ислам в русской литературе: рождение гипертекста*, «Мир науки, культуры, образования» 2007, вып. 2, с. 68.

гий. Он посетил Константинополь, Палестину, Египет и Ливан, а свои замечания выразил в цикле очерков *Тень птицы*¹⁴. Вспоминаемое уже «смещение вер»¹⁵, а также приписываемый поэте «пантеизм», понимаемый как «страстное переживание божественной явленности мира, молитвенное созерцание одухотворенной красоты и величия природы»¹⁶, являются опознавательными чертами творчества автора *Жизни Арсенева*.

Оно отразилось также в его поэтическом образе ангелов, который наделен как христианскими, так и исламскими значениями. Крылатые вестники Бога появляются во многочисленных стихотворениях автора, относящихся к разным этапам его творческого пути¹⁷, и выступают во многих ипостасях. Это и ангел-хранитель [*Матери*; ПСС1, с. 253], и пустынный ангел [*Молчание*; ПСС2, с. 160], и ангелы служения [*Господь скорбящий*; ПСС2, с. 31], ангелы смерти и мести [*Бессмертный*; ПСС1, с. 218], ангел мятежный [*Беру твою руку и долго смотрю на нее*; ПСС1, с. 57], ангелы небесные [*На глазки синие, прелестные...*; ПСС1, с. 83.], серафимы и небесные силы [*В костеле*; ПСС1, с. 33], ангел гробовой [*На дальнем севере*; ПСС1, с. 59], ангел сна [*Вдовец*; ПСС1, с. 234], ангел лазурный [*На белых песках*; ПСС1, с. 132], шестикрылый [*Шестикрылый*, ПСС3, с. 44] и др.

Бунина, главным образом, привлекает вопрос о падении ангелов [*Сатана Богу*; ПСС1, с. 181], их сравнение с людьми [*Джор-*

¹⁴ М. Дунаев, *Вера в горниле сомнений...*, с. 395. Ср. В. Агафонова, *Черты религиозно-философского ренессанса рубежа XIX–XX веков в художественном сознании И.А. Бунина*, «Культура. Духовность. Общество» 2015, вып. 18, с. 28.

¹⁵ М. Дунаев, *Вера в горниле сомнений...*, с. 395. Синтез многих источников религиозных размышлений был характерен не только для творчества Бунина, но и для целой эпохи Серебряного века. См. В. Агафонова, *Черты религиозно-философского ренессанса рубежа XIX–XX веков...*, с. 26–27.

¹⁶ Г. Карпенко, *Творчество И.А. Бунина и религиозное сознание рубежа веков...*, с. 11.

¹⁷ Ср. стихотворение: *Самсон // Полное собрание сочинений в XIII томах*, т. 1: *Стихотворения (1888–1911); Рассказы (1892–1901)*..., с. 133. В дальнейшем цитаты приводятся по данному изданию с указанием в квадратных скобках названия стихотворения, аббревиатуры ПСС1 и номера страниц; см. стихотворения: *Благовестие о рождении Исаака* [ПСС2, с. 90], *Бегство в Египет* [ПСС2, с. 44–45]; *Белые крылья* [ПСС1, с. 182], *Священный прах* [ПСС1, с. 180], *Ночь Аль-Кадра* [ПСС1, с. 112]. Среди них есть и такие, в которых поэт ссылается на изображения ангелов в искусстве (*Михаил* [ПСС2, с. 120], *Шестикрылый* [ПСС2, с. 44], *Архистратиг средневековый...* [ПСС2, с. 86–87], *Могила поэта* [ПСС1, с. 118]).

дано Бруно; ПСС1, с. 192–194, *Маргарита прокралась в светелку...*; ПСС2, с. 176–177, *Матери*; ПСС1, с. 253–254], а также внешний вид и атрибуты крылатых духов. В основном поэт изображает их традиционно, т.е. ликующими в вышине [*Древний образ*; ПСС2, с. 132], пламенными [*Беру твою руку и долго смотрю на нее...*; ПСС1, с. 57], летающими и крылатыми:

Летел архангел Гавриил
И жгучий зной в пути далеком
Смягчал сияньем белых крыл
[*Белые крылья*; ППС1, с. 182].

В текстах Бунина — это чаще всего божественные воины — могущественные тонконогие существа, одетые в сталь [*Архистратиг средневековый...*; ПСС2, с. 86]. У них «грозные лики» [*Самсон*; ПСС1, с. 133], «красный меч из огня», как один из атрибутов, [*Михаил*; ПСС2, с. 120] и, конечно, сверхъестественные способности:

положил преграду
На буйные мои уста
[*Молчание*; ПСС2, с. 160].

Их задача — выполнять повеления Творца: „смертную страстью губить” [*Беру твою руку и долго смотрю на нее*; ПСС1, с. 57], сорвать планы Божьих врагов [*Бегство в Египет*; ПСС2, с. 45], истребить грешников во время Страшного суда [*Судный день*; ПСС2, с. 18; *Бессмертный*; ПСС1, с. 219].

Предметом нашей интерпретации в данной статье являются три стихотворения Бунина — *Михаил* (1919) [ПСС2, с. 120], относящейся к христианской традиции, а также *Бессмертный* (1906–1907) [ПСС1, с. 219] и *Сатана Богу* (1903–1906) [ПСС1, с. 181], отсылающие к традиции Корана.

Источником образа архангела Михаила в творчестве Ивана Бунина стали его христианские изображения. Как известно, это один из семи архангелов¹⁸ и один из трех небесных духов, чьи имена упоминаются в Библии¹⁹. Михаил (из иврита Mike’el) обозначает ‘Кто, как Бог?’. А значит, его имя «выражает [...]

¹⁸ О числе архангелов см. А. Глаголев, *Ветхозаветное библейское учение об ангелах. Опыт библейско-богословского исследования*, тип. И.И. Горбунова, Киев 1900, с. 363–364.

¹⁹ G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł*, пер. G. Kania, Promic, Warszawa 2012, с. 9.

идею несравнимости Бога ни с чем тварным»²⁰. Оно также связано с ролью Михаила, какую он сыграл во время бунта Люцифера и части ангелов против Сотворителя²¹. Именно с таким окриком — пишет Gilles Jeanguenin, он повел верных Богу небесных духов на войну с силами зла, первым выступая против мятежников²². Как известно, битва завершилась изгнанием бунтовщиков с неба²³. Поэтому Михаил не только наивысший среди ангелов²⁴, но и ему присущ титул «архистратига», то есть вождя небесного воинства²⁵. Кроме того, он князь Израиля, то есть ангел-покровитель народа израильского²⁶. По мнению некоторых исследователей, Михаил считается также Ангелом Иеговы²⁷, то есть вестником Бога, «существом, обладающим божественными свойствами и проявляющим божеские действия»²⁸.

Византийская иконография первоначально изображала ангельского князя Израиля в виде юноши в пурпурной хламиде с распростертыми крыльями, мечом, лабарумом или земным шаром с крестом, а потом, во время правления Каролингов (753–987) и саксонской династии (866–1024), у ног архангела появляется также змей. Первые динамические представления Михаила в виде воина, побеждающего дьявола²⁹, датированы XII веком, в чем выражалась вера, что он является защитником перед Сатаной³⁰. В то время Михаил изображался также в латах с весами³¹, что, в свою очередь, отсылает к сюжету Страшного суда, во время которого он будет выполнять роль судьи³².

²⁰ А. Глаголев, *Ветхозаветное библейское учение об ангелах...*, с. 369.

²¹ G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 7.

²² Там же.

²³ Ср.: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе» (Отк 12, 7–8).

²⁴ G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 30.

²⁵ См. *Михаил* // С. Токарев (ред.), *Мифы народов мира. Энциклопедия*, т. 2, Советская энциклопедия, Москва 1988, с. 159.

²⁶ См. больше об этом: А. Глаголев, *Ветхозаветное библейское учение об ангелах...*, с. 371–375.

²⁷ См. больше об этом: там же, с. 375–377.

²⁸ Там же, с. 16.

²⁹ G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 54–55.

³⁰ Там же, с. 17.

³¹ M. Rojek, *Angelologia i demonologia. Skrypt dla studentów teologii*, Wydawnictwo Archidiecezji Przemyskiej, Przemyśl 1999, с. 76.

³² G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 17.

В русской иконографии позднего средневековья и Нового времени особенной популярностью пользовалось изображение Михаила Воеводы, т.е. «красноликого архангела, летящего на красном крылатом коне»³³, в доспехах и с короной на голове, с книгой, крестом, кадиллом и копьем в руках. Под копытами его коня лежит побежденный сатана, а сам Михаил трубит в трубу³⁴.

Такое же традиционное иконографическое изображение архангела Михаила в виде воина содержится и в стихотворении Ивана Бунина 1919 года под заглавием *Михаил* [ПСС2, с. 120]. Оно состоит из четырех строф и представляет собой воспоминание лирического «я» о впечатлении с детства — о фигуре/скульптуре или иконе архангела Михаила, которую, будучи ребенком, он увидел в церкви. Владимир Глаголев в связи с этим пишет, что сакральное искусство неоднократно «является источником религиозных переживаний верующих»³⁵. Так и в тексте Бунина: изображение ангела столь сильно пленило героя (в чем он признается в последней строфе стихотворения), что запомнил его на всю жизнь, а теперь, уже будучи взрослым человеком, передал его в поэтической форме:

Я помню тебя, Михаил,
И храм этот, темный и старый,
Где ты мое сердце пленил!
[ПСС2, с. 120]

Михаил из стихотворения русского поэта напоминает грозного римского легионера, вооруженного в «латы и меч». Он гро-

³³ П. Тычинская, *Древнейшие изображения Архангела Михаила — грозных сил воеводы*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена» 2012, вып. 133, с. 165.

³⁴ Там же. Интересно упомянуть, что, согласно верованиям коптов, Михаил — это тот ангел, который вострубит Конец Времени и даст знак для начала Страшного Суда. Он также будет просить о помиловании грешникам, которые сделали хоть немного доброго на земле и Бог удовлетворит его просьбу. См. *Гомилия об архангеле Михаиле // Изречения египетских отцов. Памятники литературы на коптском языке*, введение, перевод из коптского и комментарии А. Еланской, Алетейя, Санкт-Петербург 2001, с. 255–261.

³⁵ В. Глаголев, *Культурологические аспекты художественно-эстетической проблематики в современном религиоведении // Д. Спивак (ред.), Фундаментальные проблемы культурологии в четырех томах*, т. III: *Культурная динамика*, Алетейя, Санкт-Петербург 2008, с. 11.

мадного роста, у него длинные волосы, «крупные, бурые и голые ноги»³⁶:

Архангел в сияющих латах
И с красным мечом из огня
Стоял в клубах синеватых
И дивно глядел на меня. [...]

Ребенок, я думал о Боге,
А видел лишь кудри до плеч,
Да крупные бурые ноги,
Да римские латы и меч...
[ПСС2, с. 120]

Такой образ Михаила отсылает, например, к Книге Иисуса Навина, где он предстоит в виде главы небесных войск: «я вождь воинства Господня» (Нав 5,14). У него обнаженный меч — символ верховной власти³⁷, которую получил от Бога. В бунинском же стихотворении у Михаила огненный меч. У Хуана Керлота читаем, что это «символ оружия, охраняющего Рай (царство любовного огня) от земли (мир страдания)»³⁸. Напомним: меч как атрибут ангела, охраняющего вход в Рай, впервые появляется в Книге Бытия: «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни»³⁹ (Быт 3, 24). Следовательно, можно полагать, что и Бунин следует традиции, согласно которой Михаил — это именно тот ангел, кому Бог повелел стеречь вход в Рай после изгнания первых людей⁴⁰.

³⁶ Похожий образ находим также в другом стихотворении Бунина, где он изображается крылатым, тонконогим, одетым в сталь. См. *Архистратиг средневековый...* [ПСС2, с. 86–87].

³⁷ См. *меч*, в: Х. Э. Керлот, *Словарь символов*, перевод Н. Богуна, Ю. Данько, С. Козунины и др., REFL-book, Москва 1994, с. 319–322.

³⁸ См. там же, с. 322. Огненный меч обозначает также очищение. См. *Меч* // О. Вовк, *Энциклопедия знаков и символов*, Вече, Москва 2006, с. 380.

³⁹ *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета*, Москва 1997. В дальнейшем все цитаты из Библии приводятся по этому изданию. В круглых скобках обозначается сокращенное наименование книги, номер главы и стиха.

⁴⁰ В. Бортников, Е. Никольский, *Изображение Архангела Михаила в поэме Джона Мильтона «Потерянный рай»: аспект хронотопа*, «Вестник Удмуртского университета» 2014, вып. 4, с. 77. Согласно давней литургии, Михаил не только охраняет вход в Рай, но и выполняет ту роль, которая в греческой мифологии принадлежала Гермесу, а именно он сопровождает души покойных в потусторонний мир и ведет их перед престол Бога. См.

В стихотворении важную роль играет цветовая гамма. Изображенный здесь архангел окружен синеватými клубами. Синий цвет ассоциируется с вечностью, чистотой, истиной, верой и духовностью⁴¹, что указывает на небесное происхождение Божьего полководца. В свою очередь клубы, под которыми понимаются клубы дыма, обладают «магической способностью предотвращать несчастья, нависшие над людьми, животными и растениями»⁴². Дым связан также с кадилом/кадильницей, то есть сосудом, предназначенным для сожжения благовоний перед Господом⁴³, а каждение понимается как очищающее действие — оно отгоняет злых духов. В Книге Товита (второканонической книге Ветхого Завета) читаем: «Он же, идя, вспомнил слова Рафила, и взял курильницу, и положил сердце и печень рыбы, и курил. Демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта, и связал его Ангел» (Тов 8, 2–3). Уместно в этой связи напомнить, что Михаил — это ангел защиты, блаженный заступник и сверхъестественный защитник верующих в борьбе против Сатаны, что отражается, например, в молитвах экзорцизма, в которых призывается его имя⁴⁴.

Лирическое «я» стихотворения вспоминает, что описываемое им изображение Михаила-воина в детстве вызвало у него страх, уважение и одновременно восхищение. Могущественный, сильный и полон хвалы ангел в глазах ребенка предстает неким богатырем, гладиатором, а даже Богом. Jean Daniélou в связи с этим пишет, что такое отношение к ангелам особенно характерно для раннехристианских экзегетов, в том числе для Ерма, которые отождествляли архангела Михаила с Логосом-Христом⁴⁵.

G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 17; Б. Успенский, *Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского)*, Издательство Московского университета, Москва 1982, <http://www.krotov.info/history/11/uspensky/G12.htm> (3.05.2016).

⁴¹ См. Цвета // О. Вовк, *Энциклопедия знаков и символов...*, с. 37.

⁴² См. Дым // Х.Э. Керлот, *Словарь символов...*, с. 189.

⁴³ См. Кадило // Н. Глубоковский, *Библейский словарь*, Москва 2007, с. 130. Электронная версия.

⁴⁴ См. G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 61. Ср. также: *Молитвы Ахистратигу Божию Михаилу* // Т. Олейникова, *Архангелы — наши покровители*, Москва 2003, <http://www.wco.ru/biblio/books/archangels1/Main.html> (14.05.2016).

⁴⁵ См. больше об этом: J. Daniélou, *Teologia judeochrześcijańska*, пер. S. Basista, WAM, Kraków 2002, с. 179–185. Глаголев пишет, что также в Библии, напри-

Бунинский Михаил — это не только архистратиг — вождь небесного воинства, но и «Дух гнева, возмездия, кары!» [Михаил; ПСС2, с. 120], а значит, поэт ссылается и на иное традиционное изображение архангела — судьи во время Страшного Суда⁴⁶. Его гнев, однако, как замечает Gilles Jeanguenin, праведный; он — Ангел Божьей Справедливости⁴⁷, выступающий защитником хвалы Бога, в чем выражается его смирение и верность Всевышнему⁴⁸.

Напомним, что согласно народным верованиям, маленькие дети, которым свойственна еще невинность, в состоянии видеть ангелов⁴⁹. Видимо, этого же мнения придерживается и Бунин⁵⁰. Изображаемый в стихотворении ангел словно оживает на глазах героя-ребенка⁵¹ — смотрит на него: «дивно глядел» [ПСС2, с. 120]), а потом перемещается по храму и «является народу»:

Порой в алтаре он скрывался,
Светился на двери косою —
И снова народу являлся,
Большой, по колена босою
[ПСС2, с. 120]

В этом отражается также убеждение верующих в реальное существование ангелов. Согласно традиции, они призваны слу-

---

мер, в книге Даниила, по отношению к ангелам, появляется определение *elohim* (боги). См. А. Глаголев, *Ветхозаветное библейское учение об ангелах...*, с. 344–345.

⁴⁶ Поэтому Михаил иногда отождествляется с Христом и держит в руках весы правосудия, на которых взвешивает человеческие души. Б. Успенский, *Филологические разыскания в области славянских древностей...*, с. 25.

⁴⁷ G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 13.

⁴⁸ Там же, с. 7.

⁴⁹ См. Старец Паисий Святогорец, *Дети и их обязанности*, http://www.pravmir.ru/stat-content/sc_printer_586.html (16.05.2016).

⁵⁰ См. например, рассказ *Цифры* [ПСС2; с. 228–237] или стихотворение *Ангел*, в: И. Бунин, *Собрание сочинений в 9 т.*, т. 1...

⁵¹ Так же и в другом стихотворении Бунина:

Да хмурил брови тонкие свои
На песни и кулачные бои.
Он говорил всей этой жизни брэнной,
Глухой, однообразной, неизменной,
Про дивный мир небесного Царя...]

[*Архистратиг средневековый...*; ПСС2, с. 86–87].

жить не только Богу, но и людям — защищать их от демонов, охранять от грозящих опасностей и т.д.: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?» (Евр 1, 14). Михаил же самый почитаемый и могущественный среди них. Христиане, уверены в его заступничестве, с давних времен обращаются к нему с просьбами о материальных и духовных благах⁵².

Резюмируя: стихотворение содержит традиционный образ архангела Михаила, сильно укорененный в иудеохристианских, а порой и апокрифических преданиях — крепкого солдата Бога, одетого в сталь, вооруженного мечом; ощущается атмосфера тайны, детского восторга и очарования в присутствии сверхъестественного, непознаваемого существа, чему добавочно способствует старый и темный храм.

Имя архангела Михаила (Микаил) появляется также в исламе, где, как и в ветхозаветной традиции, упоминается лишь о четырех архангелах, «близких» Богу⁵³. Кроме него, это Джибрил⁵⁴, Исафил⁵⁵ и Израил⁵⁶. Микаил заботится о мире природы, вместе со своими помощниками управляет растениями, ветрами, облаками и дождями⁵⁷.

Вера в существование ангелов — это один из фундаментов ислама⁵⁸. Они, однако, обладают другой природой, чем в иудаизме и в христианстве. Правда, небесные духи послушны

⁵² G. Jeanguenin, *Święty Michał Archanioł...*, с. 20.

⁵³ J. Bielawski, *Islam*, Krajowa Agencja Wydawnicza, Warszawa 1980, с. 97.

⁵⁴ Он самый близкий Аллаху; это покровитель пророка Муххамада, передавший ему Коран. См. *Джибрил // С. Прозоров (ред.), Ислам. Энциклопедический словарь*, Наука, Москва 1991, с. 153. Его отождествляют с христианским архангелом Гавриилом. См. *Джибрил // Мифы народов мира. Энциклопедия*, т. 1..., с. 374.

⁵⁵ Это ангел, передающий другим ангелам повеления Аллаха. Его атрибутом является труба, на голос которой в День Суда все умрут, а потом воскреснут. См. *Исафил // Ислам. Энциклопедический словарь...*, с. 115.

⁵⁶ Подробнее о нем в дальнейшей части статьи.

⁵⁷ См. больше об этом: У.С. Аль-Ашкар, *Мир благочестивых ангелов*, перевод с арабского, вступительное слово и примечания Э. Кулиева, Мир, Москва 2008, с. 106.

⁵⁸ Там же, с. 17. В Коране читаем: «Благочестие состоит не в том, чтобы вы обращали ваши лица на восток и запад, но благочестив тот, кто уверовал в Аллаха, в Судный день, в ангелов, Писание, пророков [...]» (2, 177). *Коран*, перевод с арабского и комментарий М.-Н.О. Османова, Ладомир, Москва 1995. В дальнейшем все цитаты из Корана приводятся по этому изданию. В круглых скобках обозначается номер суры и аята.

Богу, бесполое⁵⁹, наделены «огромной силой и удивительными способностями»⁶⁰, а также объединены в иерархическую систему⁶¹ и сотворены раньше человека⁶²; их главные задачи — восхвалять Аллаха и выполнять Его повеления, поддерживать Его престол, управлять миром⁶³; но, в отличие от христианских верований, они, как и люди, смертны⁶⁴, у них нет свободной воли, а «их природа не допускает неповиновения Всемогущему Создателю и греха»⁶⁵. Ангелы, согласно учению Корана, сотворены из огня или, как сообщается в хадисах⁶⁶, из света⁶⁷.

Два остальные, интересующие нас стихотворения, относятся к раннему периоду творчества Бунина, когда он живо интересовался миром мусульманского Востока⁶⁸. В первом из них — *Сатана Богу* (1903–1906) [ПСС1, с. 181] поэт поднимает вопрос о падении Сатаны и человека, причем он ссылается на историю, изложенную в Коране. Напомним, что в мусульманской традиции ангелы непогрешимы, а значит, их бунт против Творца невозможен. Однако, как известно, в Коране упоминается об Иблисе — взбунтовавшемся ангеле, напоминавшем христианского Люцифера⁶⁹. Поэтому в рамках исламского богословия возник спор о его природе, о том является ли он вообще ангелом или просто джинном⁷⁰. Итак, например, Аль-Хасан аль-Басри, счи-

⁵⁹ J. Bielawski, *Islam...*, с. 97.

⁶⁰ У.С. Аль-Ашкар, *Мир благочестивых ангелов...*, с. 9.

⁶¹ Там же, с. 8.

⁶² См. Малаика // *Ислам. Энциклопедический словарь...*, с. 154.

⁶³ P. G. Riddell, *Jak przemawia Allach: islamskie anioły, diabły i tsunami z 2004 roku* // P.G. Riddell, B. Smith-Riddell (ред.), *Anioły i demony w różnych religiach świata*, пер. M. Chojnacki, WAM, Kraków 2009, с. 199–200.

⁶⁴ У.С. Аль-Ашкар, *Мир благочестивых ангелов...*, с. 33.

⁶⁵ Там же, с. 11.

⁶⁶ Хадисы — это после Корана важнейшие тексты ислама, касающие жизни Пророка Муххамада. См. Хадис // *Ислам. Энциклопедический словарь...*, с. 262.

⁶⁷ См. Малаика..., с. 153.

⁶⁸ См. К. Кен-Тэ, *Тема Востока в творчестве И.А. Бунина. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Санкт-Петербург 1997, <http://www.dissercat.com/content/tema-vostoka-v-tvorchestve-i-bunina> (25.05.2016).

⁶⁹ Ср., например, А.Ж. Palla, *Pochodzenie zła*, http://eliasz.dekalog.pl/goscie/palla/poch_zla.htm (26.05.2016).

⁷⁰ См. Малаика (ангелы) // *Ислам. Энциклопедический словарь...*, с. 154. Согласно представлениям мусульман, вместе с ангелами Аллах сотворил из бездымного огня также другие духовные существа — джинны. См. Л. Кли-

тал его джинном, опираясь на то, что Иблис создан из огня как и джинны⁷¹. Другие богословы, в том числе Абдулла ибн ‘Аббас, Абдульмалик ибн Абдульазиз ибн Джурейдж Курейши, Катада ибн Диама, Абдуллах ибн Мас‘уд и Ибн Джарир ат-Табари, придерживались мнения, что Иблис был ангелом⁷². По некоторым преданиям, до момента бунта он был хранителем рая и одним из важнейших ангелов. Его звали Азазил⁷³.

Стихотворение под заглавием *Сатана Богу* начинается с эпиграфа, взятого из Корана:

И когда мы сказали ангелам:
падите ниц перед Адамом, все пали,
кроме Эблиса, сотворенного из огня
[ПСС1, с. 181]⁷⁴

В приведенном фрагменте говорится о том, как Аллах, только что создавший человека — своего наместника на земле⁷⁵, повелевает ангелам поклониться ему в знак уважения и почтения. Они, однако, пишет Ибн Касир⁷⁶ в *Истории о Пророках* (kisas al-anbiya)⁷⁷, со страхом и недовольствием принимают новое «творение». Особенно враждебно относится к нему Иблис/Эблис,

---

мович, *Книга о Коране, его происхождении и мифологии*, Издательство политической литературы, Москва 1986, с. 96. Они обладают свободной волей, так что могут помогать людям или им вредить. См. J. Bielawski, *Islam...*, с. 97.

⁷¹ У.С. Аль-Ашкар, *Мир благочестивых ангелов...*, с. 10. Ср.: «[Иблис] ответил: ‘Я лучше его. Ты сотворил меня из огня, а его — из глины’» (38, 76).

⁷² Там же, с. 10.

⁷³ Эта версия, по мнению У.С. Аль-Ашкара, не имеет подтверждения в достоверных текстах и опирается на еврейские верования. См. там же, с. 10–11.

⁷⁴ Ср. в Коране: «И тогда Мы повели ангелам: ‘Падите ниц перед Адамом’. Все пали ниц, кроме Иблиса, [который] отказался [пасть ниц], возгордился и стал неверующим» (2, 34).

⁷⁵ См.: «И сказал твой Господь ангелам: ‘Я поставлю на земле наместника’. Они спросили: ‘Поставишь ли Ты на земле того, кто будет грешить и проливать кровь, тогда как мы прославляем Тебя хвалой и святим Тебя?’ Аллах ответил: Воистину, Я ведаю о том, что вам неведомо’» (2, 30).

⁷⁶ Толкователь Корана и хадисов, живущий в XIV в.

⁷⁷ Это название историй о жизни предисламских пророков. Авторами самых известных kisas al-anbiya были Абуль-Хасан Хамза ибн Али аль-Кисаи и Ахмад ибн Мухаммад аль-Талаби. См. A.G. Bannister, *Anioły w ustnej tradycji islamu, od Koranu aż po Al-Tha’labiego // Anioły i demony w różnych religiach świata...*, с. 228.

который отказывается поклониться человеку⁷⁸, что и становится причиной его изгнания из неба⁷⁹.

Бунин, ссылаясь на эту историю, поэтически ее осмысляет. Лирическое «я» стихотворения — Иблис считает себя лучше и выше человека по природе, поэтому не хочет ему поклониться, дерзко упрекая Аллаха (непосредственно не названного по имени), в том, что он велит ему это сделать. Человек, как утверждает Иблис, существо низшего ряда, так как оно сотворено из мертвой глины. Он же — из живого, страстного огня, который, между прочим, олицетворяет сексуальную энергию, либидо и плодовитость⁸⁰:

Я — из огня, Адам — из мертвой глины,
И ты велишь мне пред Адамом пасть!⁸¹
[ПСС1, с. 181]

Надменный ангел не только не выполняет волю Аллаха, но и, желая ему доказать, что он действительно выше человека, бросает Богу вызов, ставя под сомнение Его абсолютную власть над миром и созданными Им существами. Иблис желает овладеть Адамом и уверен в том, что ему это удастся, так как человек слаб и несовершенен. Он же — существо высшее, совершенное, знает, в чем заключается слабость Адама и как ее использовать. Это, как выясняется в тексте стихотворения, «живая страсть»,

⁷⁸ Ср. „So Allah shaped Adam into a human being, but he remained a figure of clay for forty years. The angels went past him. They were seized with fear by what they saw, and Iblis felt fear most. He used to pass by the figure of Adam, buffeting it, which would make a sound like pottery”. Al-Iman ibn Kathir, *Stories of the Prophets*, http://www.islamguiden.com/arkiv/stories_of_the_prophets.pdf (30.06.2016).

⁷⁹ По Корану, Аллах хотя и проклял Сатану, то не отнял у него власти над людьми — он ее лишь ограничил, то есть до Дня Суда, когда все живущие существа будут уничтожены, в том числе и ангелы. Иблис может искушать людей, но только заблудившихся, неверных Богу. Ср. «[Иблис] сказал: ‘Господи! За то, что Ты свел меня с пути истины, я [исхитрюсь] приукрасить [все дурное] на земле и непременно соврашу всех Твоих рабов, за исключением тех, которые искренни’. [Аллах] ответил: ‘Это тот путь, который [Я считаю] прямым. Воистину, нет у тебя власти над Моими рабами, за исключением заблудших, которые последуют за тобой’» (15, 39–42).

⁸⁰ См. *Огонь* // Х.Э. Керлот, *Словарь символов...*, с. 352.

⁸¹ Ср. в Коране: «[Иблис] ответил: ‘Я лучше его. Ты сотворил меня из огня, а его — из глины’» (38, 76) и дальше: «Ответил [Иблис]: ‘Не подобает мне поклоняться человеку, которого ты сотворил из сухой звонкой глины, из отлитого в форме ила’» (15, 33).

которую он ему внушает, что и является аллюзией на сексуальный характер первого греха⁸²:

И стал шайтан нашептывать им, чтобы открыть им глаза на их срамные части, на которые они [до того] не обращали внимания. И он сказал им: «Ваш Господь запретил вам [плоды] этого дерева лишь с той целью, чтобы вы не стали ангелами или не обрели бы вечной жизни» (7, 20).

Аллах, пытаясь спасти Адама перед взбунтовавшимся ангелом, старается «смирить» эту страсть («смирять листвою» [ПСС1, с. 181]), дав ему закон:

Тогда Мы сказали: «О Адам! Поселись вместе со своей супругой в райском саду, ешьте там вволю, чего бы вам ни захотелось, но не приближайтесь вот к этому дереву, а не то окажетесь в числе нечестивцев» (2, 35).

Предвестием и символом победы Иблиса над человеком является в стихотворении «сухая листва маслины» [ПСС1, с. 181]. Напомним, что маслина — это вечнозеленое дерево; в исламе оно отождествляется с Деревом Жизни⁸³. Тогда стоит задаться вопросом: почему она суха? Ответ, на наш взгляд, скрывается в огненной натуре Иблиса, который, говоря метафорически, сжигает листву маслины, предназначенную для человека, то есть приводит его к падению, лишая его чистоты и вечной жизни/бессмертия, которые символизирует маслина⁸⁴:

Что ж, сей в огонь листву сухой маслины —
Смирять листвою его живую страсть
[ПСС1, с. 181]

Во второй строфе Иблис опять непосредственно обращается к Аллаху. Он с гордостью утверждает, что человек не устоит перед его искушением. Сатана уверен в том, что им овладеет, а Богу не удастся его спасти:

⁸² Ср. «[...] И. Бунина привлекает больше всего эротическая грань темы первородного греха, открытие в человеке чувственности, пола как источника познания себя и мира». О. Бердникова, *Мотивы искушения в творчестве И.А. Бунина в аспекте христианской антропологии*, «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена» 2008, вып. 85, с. 282.

⁸³ См. *Олива // О. Вовк, Энциклопедия знаков и символов...*, с. 132.

⁸⁴ См. там же, с. 131.

ВСТРЕЧА ХРИСТИАНСТВА С ИСЛАМОМ...

О, не смиришь! Я только выше вскину
Свой красный стяг. Смотри: уж твой Адам
Охвачен мной! Я выжгу эту глину,
Я, как гончар, закал и звук ей дам
[ПСС1, с. 181]

Символом победы Сатаны, на этот раз, является высоко поднятый «красный стяг», то есть воинское знамя, с давних времен выступающее «в качестве залога победы и величия»⁸⁵, символизирующее не только военную силу, власть и победу, но и божественное покровительство⁸⁶. Символичен также цвет знамени. Красный, как известно, это «самый активный цвет»⁸⁷. Он олицетворяет жизнь и энергию, но, прежде всего, войну, революцию, опасность и кровь. Кроме того, любовь и сексуальность⁸⁸. К военной лексике относится здесь также слово «охватить», которое обозначает «обойти противника с фланга (флангов) для нанесения удара»⁸⁹. Иблис охватывающий Адама — это намек на первородный грех человека, к которому Сатане удалось его подтолкнуть. И лишь с греха, говорит дальше Иблис, начинается настоящая жизнь Адама, ибо до сих пор он был только мертвой, безвольной, вялой глиной. Именно Сатана, а не Аллах предстоит здесь в виде гончара⁹⁰, то есть настоящего творца/создателя человека. Напомним, что, согласно одной из библейских версий сотворения, это единый Бог является гончаром, вылепившим Адама из глины: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт 2, 7). У Бунина по-другому — поэт ссылается на присутствующий в разных традициях мотив сотрудничества

⁸⁵ См. *Знамена* // Г. Бидерманн, *Энциклопедия символов*, пер. В. Валькова, Ю. Вейнгольда, В. Гринько и др., Изд. Республика, Москва 1996, с. 98.

⁸⁶ См. *Знамя* // О. Вовк, *Энциклопедия знаков и символов...*, с. 433. Стяг вызывает также и другие ассоциации — как знак своей победы водружают его альпинисты, которым удалось покорить какую-то вершину. Ср.: О. Винокуров, *Национальный стяг — на высочайшем пике страны*, <http://turkmenistan.gov.tm/?id=3407> (10.06.2016).

⁸⁷ См. *Цвета* // О. Вовк, *Энциклопедия знаков и символов...*, с. 35.

⁸⁸ Там же, с. 35–36. См. также: *Красный* // Г. Бидерманн, *Энциклопедия символов...*, с. 131.

⁸⁹ См. *Охватить* // С. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург 2000, с. 769.

⁹⁰ Во многих мифологиях под образом гончара понимается «бог или культурный герой, который творит людей, либо все мироздание (или отдельные его части) из глины». См. *Гончар* // *Мифы народов мира. Энциклопедия*, т. 1..., с. 309.

Бога и Сатаны при сотворении мира и человека. Он появляется, например, в древнеславянских легендах, согласно которым Сатана создал человеческое тело, а душу — Бог⁹¹. В стихотворении автора *Жизни Арсенева* наоборот — Аллах создает мертвую глину, а «дыхание жизни» — «закал» и «звук» человек получает от Иблиса. А значит, роль Бога значительно уменьшается. Это обладающий огненной натурой Иблис исполняет роль гончара и «выжигает» мертвую глину, то есть оживает человека, завершая тем самым акт творения. И как глина в процессе обжига приобретает новые свойства (жесткость, прочность, неспособность присоединять влагу), так и Сатана дарует Адаму новые качества. Ими являются упоминаемые уже «закал» и «звук» — «дыхание жизни», но надо подчеркнуть — новой жизни, вдали от Рая и Бога. Закалить — значит «придать [...] большую твердость»⁹². И таким же «твердым», то есть неуступчивым, упорным, равнодушным, гордым становится человек, послушавшийся голоса Сатаны. Дар «звука», как можем полагать, заключается в возможности говорить, но говорить от себя, собственным голосом, а не голосом Бога. Одним словом, это свободная воля, возможность соглашаться с Богом, но и отрицать Его заповеди, возможность молиться и богохульствовать. Оба дара Иблиса Адам получил, когда совершил акт неповиновения, который, говоря словами Эриха Фромма, стал началом осведомления, а следовательно — началом настоящей жизни человека и истории человечества⁹³. С той точки зрения, бунинский Сатана в некоем смысле положительный персонаж — внушив человеку грех, он завершил дело творения и тем самым человек мог начать жить по-настоящему. Как пишет, Ольга Бердникова, в этом стихотворении «Бунин отдает дань одной из универсалий Серебряного века — идее 'живой жизни', призванной реабилитировать естественные страсти человека»⁹⁴.

⁹¹ См. В. Кузнецова, *Сотворение мира в восточнославянских дуалистических легендах и апокрифической книжности* // В. Петрухин (ред.), *От Бытия к Исходу. Отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народной культуре*, ГЕОС, Москва 1998, с. 59–63.

⁹² См. *Закалить* // С. Ожегов, Н. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Азбуковник, Москва 1999, с. 206.

⁹³ См. E. Fromm, *Zapomniany język*, пер. K. Płaza, vis-a-vis/Etiuda, Kraków 2009, с. 188.

⁹⁴ О. Бердникова, *Мотивы искушения в творчестве И.А. Бунина в аспекте христианской антропологии...*, с. 283.

Героями последнего стихотворения под заглавием *Бессмертный* [ПСС1, с. 219] являются два ангела. Первый из них — это Ангел Смерти. Согласно исламской мифологии, им является Израил, получивший это звание в награду за то, что он принес Аллаху кусок глины для сотворения человека, чего раньше не удалось сделать ни Джibriлу, ни Микаилу, ни Исрафилу⁹⁵. Второй — это Ангел Мести, имя которого в священных книгах ислама не упоминается.

Стихотворение касается темы Страшного суда. По преданию, этот день будет выглядеть следующим образом:

Исрафил затрубит в трубу, звезды упадут с неба, моря переполнятся, горы сдвинутся с места, и все люди умрут. По второму гласу трубы все, кто когда-либо жил на земле, оживут и соберутся в одном месте (ал-махшар). Затем они долго будут стоять перед Аллахом (ал-маукиф), мучительно истекая потом (ал-арак). Аллах станет допрашивать людей (ас-су'ал) об их поступках, ангелы принесут книги, в которых записаны все добрые и злые дела людей. Потом грехи и добрые дела будут взвешены на весах (ал-мавазин)⁹⁶.

Автор книги — *Мир благочестивых ангелов* — Умар ибн Сулайман аль-Ашкар, добавляет, что в хадисах подчеркивается, что во время Страшного суда погибнут все живые существа, в том числе и ангелы⁹⁷. Последним же умрет именно ангел смерти⁹⁸.

Этой традиции следует в своем стихотворении также Иван Бунин. Ангел Смерти выступает здесь посланником Аллаха, который, согласно его повелению, в Судный день лишит жизни всех живущих. Выполнив свою задачу, он прилетит к своему Господу и, простирая свои крылья, умрет перед его лицом. Смерть Израила у трона, у ног Аллаха — это своего рода акт поклонения, подтверждающий полную подчиненность блаженных духов Всевышнему:

Ангел Смерти в Судный день умрет:
Истребит живущих — и со стоном

⁹⁵ См. *Изра'ил // Ислам. Энциклопедический словарь...*, с. 92.

⁹⁶ См. *ал-ма'ад (возвращение) // там же*, с. 149.

⁹⁷ Согласно христианским верованиям, знаком для Страшного Суда станет также звук труб, которые возвестят второе пришествие Христа. Все люди, которые когда-либо жили, восстанут с мертвых, соберутся перед троном Бога и Он станет их судить. Его будут сопровождать небесные духи. См. *Страшный суд // Мифы народов мира. Энциклопедия*, т. 2..., с. 469.

⁹⁸ См. У. С. Аль-Ашкар, *Мир благочестивых ангелов...*, с. 33.

Прилетит к Аллаху — и прострет,
Бездыханный, крылья перед троном
[ПСС1, с. 219]

Во второй строфе появляется другой, вспоминаемый нами ангел — Ангел Мести. Как мы уже говорили, он не выступает в мусульманской традиции, о чем, наверно, знал Бунин, который хорошо разбирался в исламе. Ангел в тексте поэта назван «грозным судьей» и «единственным бессмертным». Его главным атрибутом является меч («стальной клинок») — «символ физического уничтожения и физической решительности, равно как духа и слова Божия»⁹⁹, на котором написано символическое имя ангела:

Ангел Мести, грозный судия!
На твоём стальном клинке иссечен
Грозный клич: «Бессмертен только Я.
Трепещите! Ангел Мести вечен»
[ПСС1, с. 219]

Стоит в связи с тем поставить вопрос — кем является этот ангел или, кто под ним скрывается. Если учесть, что, согласно учению Корана, бессмертный лишь Аллах: «Всякий живущий на земле — смертен. Вечен лишь лик Господа твоего, преславного и достохвального» (55, 26–27), можем сделать вывод, что под бунинским Ангелом Мести подразумевается именно он, то есть Единый Вечный, Всевластный и Бессмертный¹⁰⁰. В Коране многократно подчеркивается, что Аллах — это Бог милостливый и милосердный¹⁰¹, но только по отношению к верующим: «Воистину, тем, кто не уверовал и [предстанет] пред Аллахом [в Судный день], ни в чем не помогут ни их состояния, ни их дети. Быть им растопкой для адского пламени» (3, 10). Его также называют «властителем дня Суда» (1, 4), который отомстит грешникам¹⁰²,

⁹⁹ См. *Меч* // Х. Э. Керлот, *Словарь символов...*, с. 321.

¹⁰⁰ Традиция ислама приписывает Аллаху 99 имен являющихся одновременно его приметами. Некоторые богословы утверждают, что существует и сотое тайное имя, которое знают лишь избранные. См. Л. Климович, *Книга о Коране, его происхождении и мифологии...*, с. 94.

¹⁰¹ Все суры (за исключением 9) начинаются словами «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного».

¹⁰² Ср.: «Кто же несправеднее того, кому возведены были аяты его Господа, а он не принял их? Воистину, Мы воздадим возмездием грешникам» (32, 22).

а неверных ввергнет в адский огонь¹⁰³. И именно в таком облике грозного, мстительного, вызывающего страх судьбы, он предстает в стихотворении Бунина. Поэт сосредоточивает здесь внимание на моменте смерти последнего ангела и жесте торжества над миром Аллаха. Тем самым, он отходит от традиционных изображений Аллаха (милосердый и справедливый), и представляет его как грозного, вызывающего страх судьбу, которым он станет в день Срашного суда.

Подведем итоги: проанализированные нами стихотворения, содержащие мотив ангела, становятся примером бунинского «миксотеизма», о котором писал Геккель¹⁰⁴. Они отражают существование элементов христианства и ислама в его поэзии. Поэт придает небесным духам те же черты, которыми они обладают в обоих священных книгах, то есть они могущественные посланники Бога, вызывающие в людях страх и тревогу и одновременно их защитники. В ходе анализа мы доказали, что, изображая своих ангелов, Бунин — замечательный «мастер внешнего зрения»¹⁰⁵, по-разному относится к текстам-источникам, из которых черпал вдохновение. Иногда им следует (стихотворение — *Михаил*), в другой раз — они становятся для него лишь творческим импульсом (*Сатана Богу и Бессмертный*).

Joanna Jędra, Ewa Stawinoga

SPOTKANIE CHRZEŚCIJAŃSTWA Z ISLAMEM — ANIOŁY IWANA BUNINA

Streszczenie

Artykuł zawiera próbę interpretacji trzech utworów poetyckich Iwana Bunina z motywem anioła. Pierwszy z nich — *Михаил* (1919) — nawiązuje do tradycji chrześcijańskiej. Archanioł Michał zostaje ukazany jako Archistrateg zastępów niebieskich i Boży wojownik, swoim wyglądem przypominający cherubina z Księgi Rodzaju, strzegącego dostępu do Ogrodu Eden po upadku pierwszych ludzi. Dwa pozostałe utwory — *Сатана Богу* (1903–1906) i *Бессмертный* (1906–1907) — odsyłają do tradycji islamu. W obu przypadkach Koran służy jedynie za impuls

¹⁰³ Ср. «Если же вы этого не сделаете — а вам ни за что так не сделать, — то страшитесь адского огня, в котором горят люди и камни и который уготован неверным» (2, 24).

¹⁰⁴ См. Э. Геккель, *Мировые загадки...*, с. 282.

¹⁰⁵ См. И. Ильин, *О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин — Ремизов — Шмелев*, типография св. Иова Почаевского, Мюнхен 1959, с. 40.

twórczy. Pierwszy wiersz to poetycka wizja upadku aniołóv i człowieka. Drugi utwór prezentuje wizję końca świata. Poeta odchodzi od tradycyjnego – miłościwego i sprawiedliwego – wizerunku Boga i przedstawia go jako budzącego strach, groźnego sędziego, przed którym nie umknie żaden grzesznik.

Joanna Jędra, Ewa Stawinoga

MEETING OF CHRISTIANITY WITH ISLAM – ANGELS OF IVAN BUNIN

Summary

This article is an attempt to interpret the three poems by Ivan Bunin, containing the theme of angel which so far has not been the subject of detailed studies of experts in his work. The first of the poems – *Михаил* (1919) – refers to the Christian tradition. Archangel Michael is shown as the Archistrateg of the heavenly hosts and God's warrior, by his appearance resembling a cherub from Genesis, guarding the access to the Garden of Eden after the fall of the first people. The other two works – *Сатана Бозу* (1903–1906) and *Бессмертный* (1903–1906) – refer to the tradition of Islam. In both cases, the Koran serves only as a creative impulse for Bunin. The first poem is a poetic vision of the fall of angels and man. The second work presents the vision of the end of the world. The poet departs from the traditional – the merciful and just image of Muslims' God and presents him as a fearful, threatening judge, before which no sinner escapes.